

ДОКЛАДЫ ИЗ РЯЗАНИ, ТАМБОВА И САРАТОВА

Публикация В. Д. Зельдовича

26 января 1921 г. Луначарский выехал в Рязань, а затем в Тамбов и Саратов, чтобы принять участие в развернувшейся «профсоюзной дискуссии», а также ознакомиться с положением на местах. Как и в прежних своих поездках (например, в Кострому и Ярославль), Луначарский принимал решения и информировал Центр не только по делам, связанным с профсоюзной дискуссией, народным образованием, но и по многим вопросам советской и партийной работы.

Уже на IX съезде РКП(б), состоявшемся 29 марта — 5 апреля 1920 г., при оценке роли профсоюзов выявились серьезные разногласия. Антипартийную позицию заняла группа Сапронова (Сапронов, Осинский, В. Смирнов и др.). Назвав себя «децистами» (демократическими централистами), члены группы выступили против единичности на производстве, против твердой партийной и государственной дисциплины. Важное место в работе съезда занял также вопрос о приспособлении профсоюзов к решению хозяйственных задач. Анархо-синдикалистская группа (Шляпников, Лозовский, Томский, Лутовинов) отстаивала «независимость» профсоюзов от партии и противопоставляла их партии и Советской власти.

Несмотря на решения съезда, в ноябре 1920 г. группа Шляпникова встала на путь фракционной борьбы, назвав себя «рабочей оппозицией». Оппозиция предлагала передать управление всем народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей», объединенных в профсоюзы, считая высшей формой организации рабочего класса не партию, а профсоюзы.

В ноябре же началась дискуссия о профсоюзах, навязанная партией Троцким. Троцкий выступил 3 ноября на заседании фракции РКП(б) V Всероссийской профсоюзной конференции с антидемократическим призывом «завинтить гайки военного коммунизма» в профсоюзах.

В это же время возникла и так называемая «буферная группа» во главе с Бухариным. В нее входили Ларин, Преображенский, Серебряков, Сокольников, Яковлева и др. «Буферная группа» пыталась примирить ленинизм с троцкизмом. В январе 1921 г. троцкистская и бухаринская группы объединились.

Помимо этого, существовал еще ряд мелких групп: Игнатова, Рязанова и др.

Конец дискуссии был положен решениями X съезда РКП(б). 14 марта съезд принял платформу десяти, которую возглавлял Ленин (см. об этом в кн.: «Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., Госполитиздат, 1963, стр. 663—674, 852—853). Профсоюзной дискуссии и характеристике отдельных ее этапов Ленин посвятил несколько работ («Кризис партии», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» и др.). Брошюра «Еще раз о профсоюзах...» была написана Лениным в Горках, где он находился на отдыхе, в течение нескольких дней — 21—25 января 1921 г. 25 января брошюра была сдана в набор, и на следующий день вечером руководящие работники партии, выезжавшие на места для участия в дискуссии о роли и задачах профсоюзов, получили часть тиража брошюры. Среди них был и Луначарский.

Как свидетельствует отчет Луначарского из Рязани, его задачи были быстро выполнены, поскольку подавляющее большинство коммунистов города присоединилось к платформе десяти. В Рязани Луначарский пробыл 28 и 29 января.

Значительно сложнее обстояло дело в Тамбове, где Луначарский находился 31 января — 1 февраля. Во-первых, Луначарский опоздал к дискуссии. Накануне его приезда в Тамбове выступал Бухарин, и Губком высказался шестью голосами против пяти за линию Троцкого. Кроме того, в самом Губкоме работа шла крайне неслаженно, и существовала оппозиция к руководству Мещерякова (председателя Губкома) и Шлихтера (председателя Губисполкома). В продовольственном отношении Тамбов был в более тяжелом положении, чем Кострома и даже Рязань, несмотря на значительное количество хлеба и фуража. Рабочие не получали пайков в течение двух месяцев. В связи с этим Луначарский дал телеграмму Ленину и Цюрупе (см. настоящ. том, стр. 245). Исключительно тяжелым в тот момент было и военно-политическое положение Тамбова, окруженного бандами Антонова. Во время посещения командарма Павлова, о чем Луначарский пишет в своем отчете, он по телеграфу снесся с секретарем ЦК Сталиным. Текст этого разговора, посвященного состоянию профсоюзной дискуссии в Центре и в Тамбове, а также дальнейшему маршруту Луначарского, приводим ниже.

2 февраля Луначарский выехал в Саратов, но принужден был вернуться на станцию Тамала ввиду того, что часть дороги оказалась захваченной антоновцами. В Саратов он приехал 3 февраля днем. Здесь Луначарский пробыл целую неделю — до 10 февраля, включая поездку в г. Покровск (ныне г. Энгельс). В Саратове и Покровске Луначарский выступил с докладами, защищая платформу десяти о профсоюзах. Он отметил, что многие рабочие были настроены против оппозиционных течений, в частности цектранизма (Цектран — Центральный комитет объединенного профессионального союза железнодорожного и водного транспорта, созданный в сентябре 1920 г.). Объединение двух транспортных профсоюзов было вызвано необходимостью обеспечить крепкое централизованное руководство, способное организовать быстрое восстановление транспорта. Трудность задач требовала чрезвычайных мер. Прделав значительную работу, Цектран впоследствии выродился в бюрократический орган, который насаждал голое администрирование, отказываясь от демократических методов работы. Руководством Цектрана завладели троцкисты. Эти порочные методы были осуждены пленумами ЦК РКП(б) 8 ноября и 7 декабря 1920 г. Цектран был включен в систему ВЦСПС.

Тот же декабрьский пленум ЦК принял решение и о ликвидации Главполитпути (Главного политического отдела Народного комиссариата путей сообщения, созданного в феврале 1919 г.). Сыграв свою положительную роль в деле восстановления транспорта, разрушенного во время империалистической и гражданской войн, Главполитпуть, подобно Цектрану, бюрократизировался.

Говоря о «главполитпутизме» Троцкого, Луначарский имел в виду стремление Троцкого распространить изжившую себя практику Цектрана и Главполитпути на все профсоюзы (см. об этом в работе Ленина «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого» — т. 42, стр. 202—226).

В книге «Очерки истории саратовской организации КПСС (часть вторая, 1918—1937)» (Саратов, 1965, стр. 158) читаем: «6 февраля около двух тысяч коммунистов саратовской городской партийной организации, заслушав доклад тов. А. В. Луначарского о роли и задачах профсоюзов, одобрили тезисы В. И. Ленина по этому вопросу и решительно высказались за линию Центрального Комитета партии». Об этом в тот же день в газете «Саратовские известия» было помещено соответствующее сообщение.

Из Саратова Луначарский 5 февраля дал срочную служебную телеграмму:

«Москва. Кремль. Сталину.

Состоялось партсоборание Саратове. После докладов моего и Саморукова и возражения местных цектранистов и Флеровского произведено голосование. Позиция Шляпникова — ноль, позиция Троцкого — тринадцать, тезисы ЦК — более 1500. Наркомпрос Луначарский».

В Саратове Луначарский провел большую работу. Он посетил ряд учреждений народного образования: детские дома, школы, Политехнический институт, универси-

тет; выступил на митинге железнодорожников, на общегородском партийном собрании в театре им. Карла Маркса, посетил военный городок, прочел публичные лекции на темы: «Религия и коммунизм», «Революция и искусство», провел совещание Губкома и Губисполкома, где отвечал на многие вопросы, в том числе — о слипании партийно-агитационно-пропагандистской работы с работой Главполитпросвета (Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет — был организован при Наркомпросе в ноябре 1920 г. и подчинился ему в организационном и административном отношении).

Луначарский встретился также с саратовским учительством и прочел большую лекцию «О задачах народного образования в советской России». Он осмотрел Народный дом и 8 февраля вечером присутствовал на спектакле по пьесе В. В. Каменского «Паровозная обедня». Постановку эту критиковали за «мистицизм». Луначарский счел эту критику необоснованной и выступил в защиту спектакля, опубликовав заметку в местной печати и затем в газете «Известия». Заметка Луначарского о пьесе Каменского с тех пор ни разу не перепечатывалась и не вошла в собрание его сочинений. Между тем она интересна как образец внимательного отношения Луначарского ко всему новому в искусстве и ограждения его от нападков вульгаризаторов. Ниже мы приводим полный текст статьи «Паровозная обедня».

В заключение своего пребывания в Саратове Луначарский посетил крупнейший в городе завод «Новая Этна» (ныне завод им. В. И. Ленина).

Поездка Луначарского должна была быть более длительной: он должен был посетить еще Астрахань и Самару, но в связи со взятием Камышина ему пришлось возвратиться в Москву. Доклад о поездке в Саратов Луначарский заканчивал уже в Москве. О пребывании Луначарского в Саратове в годы гражданской войны см. статью П. Бугаенко «Нарком в нашем городе» в кн.: «Рожденные революцией», Саратов, 1968, стр. 174—183.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ В г. РЯЗАНИ

<29 января 1921 г.>

Выехали из Москвы в четверг, 26 января и прибыли в Рязань к ночи того же дня. 27 числа утром, в 10 часов, поехали в город вместе с представителем местной власти и распределили время для двухдневного пребывания.

Утром я заслушал отчеты от заведующих подотделами народного образования и посетил художественную выставку и Рязанский музей. В 2 часа состоялось соединенное собрание Губкомитета партии и Губисполкома, на котором я сделал доклад по основным точкам зрения на роль и задачи профсоюзов. После доклада выяснилось, что среди местных руководителей партии никаких разногласий нет. Правда, незадолго председатель Губсовета профсоюзов т. Колесников издал свои собственные тезисы, несколько расходящиеся с тезисами «десяти», но по получении их он примкнул к этим тезисам с оговоркой, что внесет пару сравнительно незначительных поправок на самом съезде. Решено было между прочим на собрании беспартийных членов профсоюзов говорить также и о существующих разногласиях, так как они уже были вынесены в широкую публику напечатанием тезисов и полемических статей в газетах.

После обеда я посетил Педагогический институт, где заслушал доклад председателя педагогического совета и обратился к присутствовавшим руководителям и студентам с речью о задачах учительства в нашем коммунистическом понимании, а также о некоторых специальных вопросах начатой реформы и связанных с местными нуждами.

В 6 часов состоялось партийное собрание в переполненном зале театра, где собралось более тысячи человек членов партии. Присутство-

вали почти все наличные коммунисты города, а также коммунистическая фракция с губернского съезда водников. На собрании мною сделан был обширный доклад, который поддержал также т. Колесников и представитель ВЦСПС, приехавший со мной, т. Саморуков. Возражений не было. Были только некоторые записки, свидетельствовавшие о существовании несомненно ясной оппозиции. Голосование дало 1100 голосов за тезисы «десяти», 10 голосов за тезисы Троцкого, 5 за тезисы Шляпникова и 4 воздержавшихся. 28 числа с утра я заслушал доклад председателя Исполкома т. Елисеева и взял от него дополнительно значительное количество материалов по губернии. Из доклада выяснилось для меня чрезвычайно катастрофическое положение с фуражем. Несмотря на полное желание крестьян выполнять трудовую повинность, отсутствие фуража, объясняющееся неурожаем и чрезвычайно крутой выкачкой его Наркомпродом, делает невозможным подвоз топлива к станциям железных дорог. Обе железные дороги: Московско-Казанская и Ряз.-Уральская грозят со дня на день остановиться и при этом нисколько не согласуют своих действий, а перебивают друг у друга дрова и терроризируют каждая в свою очередь местную власть, заявляя, что если она будет доставлять дрова по другой дороге, то демонстративно станет и та, которая, в сущности, могла бы продолжать дело. Это, конечно, явное безобразие. Все обстоятельства дела заставили меня послать особую телеграмму об этом в Президиум ВЦИК и председателю Совнаркома.

Затем я ознакомился с несколькими учреждениями, выбрав их более или менее наудачу. Я посетил так называемый Первый дом для детей, который помещается в доме прежнего губернатора. Дом этот представляет из себя чрезвычайно запущенное здание, полное небольших комнат и коридоров, размещенных причудливо между этажами и полуэтажами, настоящий пыльный деревянный лабиринт, отапливаемый чугунками и грозящий превратиться в костер, в котором все 80 детей неминуемо должны погибнуть.

Воздух повсюду спертый, дети бледные, плохо одеты. Персонал оказался мне убогим, типа обычного персонала прежних детских домов призрения. Впечатление вообще удручающее. Местные власти заявили мне, что это наихудший дом и что улучшить его невозможно за отсутствием другого помещения. Я во всяком случае поставил им на вид необходимость принять все возможные меры к улучшению постановки дела. Между прочим оказывается, что питание детей до самого последнего времени обстояло в Рязанской губернии ужасающе и только после губернской конференции, которая поставила во главе губернии новых людей (в том числе председателя Исполкома Елисеева), была назначена особая чрезвычайная тройка для поднятия питания детей. Каковы будут результаты ее действия, еще не совсем ясно.

Оттуда я поехал по моему выбору в 6-й дом для детей. Этот дом помещается в здании, построенном именно для этой цели прежним попечительством о бедных. Здание простое, деревянное, но достаточно просторное и чистое. Воздух гораздо лучше, чем в первом доме, температура ровная. Дети веселые, лучше одеты. Обед, к моему удивлению, оказался превосходным: мясной суп из круп, очень вкусный. Дети получают чай утром и вечером, обед и ужин и к каждому питанию около $\frac{1}{4}$ ф. хлеба. Вид у детей веселый, бойкий и дружелюбный. Обе заведующие и постоянно живущий здесь учитель произвели на меня впечатление людей, любящих детей и умелых педагогов. Показаны были мне также детские рукоделия. Работа усердная и четкая, одна из девочек, Тоня, поднесла мне собственноручно сделанный носовой платок. Таким образом, ясно, что плохое состояние домов далеко не зависит только от общего положения губернии, а также от умения и заинтересованности непосредственных руководите-

лей дома. В то время, как в Москве вряд ли можно найти столь плохо поставленный дом, как первый, 6-й дом мог бы занять далеко не последнее место и в Москве.

До обеда я успел еще познакомиться бегло с Рабоче-крестьянским университетом. Он помещается в здании одной из бывших гимназий. К сожалению, значительной помехой к правильному распределению его жизни в этом помещении является необходимость устроить тут же большее общежитие на 200 с лишком человек. Дортуары тесноваты и не совсем чисты. Вообще университет не блещет опрятностью. Заведующий говорил мне о большой жадности молодых крестьян и рабочих-студентов к знанию, но жаловался на недостаточное питание их и на большую нужду в одежде и в особенности в обуви. Количество и качество лекций удовлетворительны. Так, лекционная обязанность возложена на весь руководящий персонал Губкома и Исполкома, и никто не манкирует. Зато дело обстоит гораздо хуже с постоянными руководителями групп. Студенты разделены только на три группы, по 50—60 человек в каждой, что, разумеется, абсолютно недопустимо. Группами руководят молодые девушки, из которых одна кончила Свердловский университет (полугодовой курс), другая побывала на внешкольных курсах, но их не кончила, а третья — не знаю, не успел с ней познакомиться. Обе девушки-коммунистки производят, однако, впечатление очень смысленных и старательных и, по-видимому, ведут занятия недурно. <...>

В 2 часа состоялось в городском театре собрание представителей фабрично-заводских комитетов. На собрании участвовало до 800 человек. Я сделал доклад о роли и задачах профсоюзов, коснувшись отчасти и наших разногласий, но главным образом выяснил общепартийную точку зрения на профсоюзы в ее бесспорных элементах и затем разъяснил значение тех нововведений, которые предполагаются проектом десяти.

Кроме меня, произнесли речи председатель Губпрофсоюзов т. Колесников и представитель ВЦСПС т. Саморуков. Возражений не последовало, но было много записок, из которых некоторые полемического характера, а одна в духе контрреволюционной позиции, которую, к сожалению, еще и сейчас занимают иные сырые рабочие. Эта записка была написана к тому же полуграмотно. На все записки мною был дан обстоятельный ответ, вызвавший несколько раз дружный смех и рукоплескания. Хотя никакой резолюции мы не принимали, но настроение было приподнятое и сочувственное, и собрание окончилось пением Интернационала.

В обеденное время я познакомился с местным Домом крестьян. Он оборудован собственными усилиями местной власти и из запущенного трактира превращен в очень хорошее учреждение со столовой, читальней и театрально-концертным залом, и уютной гостиной. Крестьяне, приезжая по повинности, прямо направляются в свой Дом, которым очень дорожат и который очень любят. При Доме ведется постоянная работа агитационная путем спектаклей и бесед, для чего Губком поставил туда своего постоянного агента. Функционирование Дома чрезвычайно благоприятно отразилось на отношении крестьян к Советской власти. Крестьяне часто не в очередь приезжают выполнять трудовую повинность, чтобы побывать в Доме, рекомендуют его дальним крестьянам и т. д. С уничтожением Отдела по работе в деревне при ЦК Дом повис в воздухе: конечно, он должен быть передан в Политпросвет, но он не имеет средств, чтобы поддержать его в смысле продовольственном, между тем выдача чая и скромной закуски крестьянам бесплатно является новым условием дальнейшего успеха. Я послал по этому поводу в Москву доклад члену ЦК и Главполитпросвета т. Преображенскому, прося его, с одной стороны, поторопиться с передачей Домов крестьян Политпросвету, а с другой стороны, распоря-

даться по губерниям, чтобы они позаботились о поддержке всем необходимым в первую очередь этих полезных учреждений.

В 6 часов устроено было собрание в так называемом Красном зале с моим докладом на тему «Религия и коммунизм». На дискуссию был приглашен местный архиерей, который отказался. Народу было очень много, зал был битком набит, а, по мнению местных жителей, в нем помещается не менее 2 тысяч человек.

Эта публика, в огромном большинстве беспартийная, встретила меня дружными аплодисментами, аплодируя несколько раз в течение доклада и после него. С возражением выступил только один евангелист, развивавший толстовскую точку зрения, но было подано до ста записок. Тов. Саморуков любезно выбрал из этих записок наиболее типичные и серьезные, до 20 штук, на которые я дал ответ, вместе с тем разобравшись и в возражениях евангелиста.

Ответ был выслушан с особым вниманием, и по окончании его все присутствовавшие, по-видимому, без сколько-нибудь заметного исключения устроили мне весьма дружественную овацию.

Из Рязани я выехал в ночь на 30 в Тамбов.

Нарком по просвещению А. Луначарский

29/1—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30933.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ В ТАМБОВЕ

(Ст. Тамала, 2 февраля 1921 г.)

Местные тамбовские власти выслали за нами автомобиль и послали своего представителя к 12 часам дня.

Мы попали как раз на констритивное заседание нового Губкома. Оказалось, что в Тамбове незадолго до нашего приезда произошел целый ряд событий. Уже раньше здесь велась борьба, основанная скорей на личных недоразумениях. Ко времени конференции она приобрела принципиальный характер. Товарищи Немцов, Пинцон и отчасти Васильев повели деятельную агитацию, основанную якобы на рабочем демократизме, против присланных из Центра в данном случае более или менее выдающихся работников — председателя Губисполкома тов. Шлихтера и бывшего председателя Губкома тов. Мещерякова. Их агитация увенчалась успехом, половину Губкома переменили, и хотя Мещеряков из Губкома не выбыл, а Пинцон выбыл, но тем не менее при новом Губкоме большинство оказалось за так называемыми «демократами» с Немцовым во главе. Демократы эти вместе с тем и троцкисты, так что, заслушав доклад Бухарина, Губком высказался 6 голосами против 5 за линию Троцкого и дал Бухарину доклад, а вместе с тем и последнее слово. Выступивший против него председатель местного Совета профессиональных союзов, конечно, не мог противостоять Бухарину, однако правильный инстинкт работников с мест не дал победы троцкистам, а лишь относительно удачную для них пропорцию, именно: конференция 47 голосами присоединилась к нашей позиции и 29 к позиции Троцкого. В результате на съезд было выбрано 4 демократа-троцкиста и 3 сторонника ЦК.

В это-то время я и приехал. Большинство Губкома приняло меня не особенно дружелюбно, хотя с внешней стороны, конечно, вежливо. В день моего приезда мне ничего не удалось бы делать, если бы не приглашение железнодорожников на митинг, куда я отправился и где сделал перед 7 или 8-стами рабочих обстоятельный доклад о текущем моменте, который

ЛУНАЧАРСКИЙ В ТАМБОВЕ

Фотография

Начало февраля 1921 г

был потом дополнен о задачах профсоюзов т. Саморуковым. Рабочие отнеслись к нам очень радушно, но, как нам показалось, настроение среди них не особенно приподнятое.

Позднее, вечером, меня пригласили на фракцию губернского советского съезда, долженствовавшего состояться на другой день, для доклада о слиянии партийных отделов агитпропаганды и Главполитпросветов. Здесь у меня произошло формальное столкновение с «демократами». Товарищи Немцов, Пинцон, несколько менее решительно Васильев и ряд других сторонников этого направления высказали совершенно недопустимые еретические мысли о необходимости для партии сохранить свою чистоту от «бюрократических», государственных советских форм и т. д.

Здесь в необычайно грубом виде сказалось то, что таится в разных углах нашей партии: именно пренебрежительное отношение к советской работе, как во всяком случае морально и политически низшей, чем «чистая» партийная работа.

Для меня даже вопрос о влиянии агитпропработы в Политпросветы отодвинулся на задний план, и я больше всего накинулся на этот партийный пуританизм, конечно, чрезвычайно опасный, ибо препятствующий партии овладеть целиком и подчинить себе громадный советский аппарат.

Две речи, которые я произнес, имели успех. Недавно выбранные «демократы» оказались разбиты наголову. По вопросу, дебатировавшемуся в данном случае, колоссальное большинство, не менее $\frac{9}{10}$ всех присутствовавших (присутствовало около 200 человек коммунистов), высказа-

лись за мое предложение. На этом же собрании для меня выяснилось с совершенной ясностью, что новый руководитель Губкомпартии Немцов никуда не годится не только как совершенно неумелый и страстно пристрастный председатель, но и как путаная и темная голова.

На другой день я сделал доклад о 8-м съезде, весьма обстоятельный и принятый съездом очень хорошо, но меня поразили некоторые обстоятельства, например, тов. Шлихтер, председатель Губисполкома, не был даже избран в президиум съезда. Президиум целиком оказался в руках «демократов». Я остался также на доклад Обиндера, заведующего Губотнаробром, и выступил сам по этому поводу. Правда, доклад заведующего был несколько сух, но в последовавших затем дебатах рядом с верными замечаниями и правильной оценкой замечалась та же тенденциозная линия против «бюрократа» Обиндера. Мне неловко было вмешиваться непосредственно в борьбу. Я говорил больше (и с успехом) об общем положении Наркомпроса и о принятых мерах к улучшению этого положения. По резолюция, предложенная Обиндером, в которой не было ничего плохого, была принята как материал по предложению Немцова, ни за что не хотевшего принять ее «за основу. Мне объяснили потом, что «демократы» ведут линию на полный разгром старого Губисполкома и на устранение всех его сколько-нибудь влиятельных работников.

Поехав в штаб командующего для переговоров с т. Сталиным о дальнейшем маршруте, я познакомился там с командармом Павловым. Командарм дал мне подробную картину развития Антонова, о которой я здесь не распространяюсь, так как все подробности этого дела, конечно, и без того известны лицам, руководящим политической жизнью страны, но я не могу не отметить двух обстоятельств. Тов. Павлов, который произвел на меня впечатление чрезвычайно умного человека, не без грусти заявил, что, совершенно уверенный в возможности сравнительно скоро справиться в военном отношении с бандами Антонова, он отнюдь не думает, чтобы так же легко было справиться с источником подобных явлений, т. е. глубоким недовольством тамбовского более или менее зажиточного и энергичного крестьянства.

«И до сих пор,— сказал т. Павлов,— здесь дело шло неважно, и у власти стояли люди, не умевшие полностью справиться со своей задачей, а теперь, боюсь, у власти окажутся люди еще гораздо мельче, между тем губерния страшно трудная и несметно богатая».

Вместе с тем Павлов указал мне на тот факт, что в Тамбове рабочие Рассказовского района не получают, например, ровно никакого пайка, между тем как хлеба ссыпано достаточно, и, по-видимому, ввиду трудности транспорта хлеб этот, овес и прочее лежат тут же на переполненных элеваторах и вызывают, конечно, огромное недовольство.

Отмечаю, что в других городах, в которых я был недавно, в Ярославле, Костроме, Рязани, дело обстоит несравненно лучше. Так, в Ярославле и Костроме по фунту хлеба получают все жители города, в Рязани, правда, обыватели не получают ничего, но рабочие получают по фунту, и только в одном Тамбове, имеющем несравненно большие хлебные запасы, рабочие оставлены без пайка.

Ввиду явной несуразности подобного явления я послал срочную телеграмму в Президиум ВЦИК и товарищам Цюрупе и Ленину.

Позднее, вечером, после съезда, я имел беседу с т. Шлихтером, который рассказал мне, что в течение своей годовой работы он пользовался известной популярностью в губернии, что на двух уездных съездах он избран был почетным председателем, но что в последнее время травля со стороны Немцова, Пинцона и Васильева привела к этому ужасно обидному для него провалу, т. е. невыбору его даже в президиум съезда и к ясно предстоящему отводу его из председателей Губисполкома.

Обращал вместе с тем мое внимание (в чем я с ним согласен) на очень большую слабость работников, желающих заменить его и Мещеряков (тов. Мещеряков заявил мне, что добьется во что бы то ни стало ухода из Тамбова). Тов. Шлихтер предлагал мне переговорить в ЦК относительно учреждения в Тамбовской губ. Ревкома ввиду чрезвычайно тяжелого положения с расширяющимся восстанием.

Конечно, к тому времени, как этот отчет достигнет до Центра, вероятно, сам вопрос будет уже в достаточной степени выяснен.

Я своего мнения по этому поводу не имею, так как не знаю достаточно всех обстоятельств, но констатирую одно: «демократическая» смена, как бы ни была плоха прежняя губернская власть (а относительно т. Шлихтера, зная его достаточно хорошо, я допускаю, что он мог делать ошибки), все же является определенным ухудшением. Если Шлихтер и Мещеряков уедут из Тамбовской губ., то, несмотря на в общем довольно большое количество работников и довольно высокий их уровень, как я убедился из дискуссии, ввиду крайней слабости новой головки губерния остается с плохими администраторами.

Из Тамбова мы выехали 2 февраля в 7 час. утра и доехали благополучно до ст. Вертуновка, где нас ждала телеграмма со следующей станции о том, что одна из банд Антонова сделала нападение на ст. Ртищево и учинила там некоторый разгром, занявший путь. Ввиду этого поезд вернулся на ст. Тамала, где я и пишу мой отчет, не зная еще точно, сможем ли двинуться дальше на Саратов, или вынуждены будем вернуться в Тамбов.

Нарком по просвещению

А. Луначарский

2/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30935.

ЛУНАЧАРСКИЙ — СТАЛИН

〈Переговоры по прямому проводу〉

СТАЛИНУ — ОТ ЛУНАЧАРСКОГО

Для дежурного. Записку тов. Луначарского для тов. Сталина даю. Прошу передать по телефону тов. Сталину через верхний коммутатор Кремля следующее: опоздал в Тамбов. Конференция состоялась. 6 троцкистов, 5 наших. Бухарин получил доклад. Результат: 47 наших, 29 троцкистов. Задержался в Тамбове для доклада о восьмом. Боюсь таких же опозданий в дальнейшем. Не знаете ли, когда губконференция в Самаре, Саратове. Что нового. Ответьте по телефону мне. Протелеграфируйте ответ Сталина. Прошу мне тотчас протелеграфировать.

ОТВЕТ СТАЛИНА

Я понял Вас так, что губконференция в Тамбове уже состоялась и мы получили большинство. Верно ли это? 〈В〉 Самаре будет конференция 22 февраля. Туда выезжает Троцкий. Спешите. 〈В〉 Саратове — 〈в〉 конце февраля. Сообщаю новости: 1) 26 января Пленум Цека обсуждал нашу и Троцкого платформы. Цека принял большинством 10 против 8 нашу платформу. Отныне наша платформа есть платформа Цека. 2) Организации Харькова, Киева, Чернигова и Екатеринослава высказались за нашу платформу. Жду ответа.

С т а л и н

СТАЛИНУ ОТ ЛУНАЧАРСКОГО И ОТВЕТ СТАЛИНА

Протелефонируйте товарищу Сталину следующее: конференция кончилась до моего приезда. Мы имели большинство: 47 голосов против 29, выбрано 4 наших и три противника. Если бы я поспел вовремя, наверно не дал бы и половины Бухарину. Завтра сделаю доклад на губсоветсъезде и завтра же выеду <в> Самару, оттуда Саратов, Астрахань. Боюсь, что в Царицын уже не поспею. О голосовании Цека знал, за Украину рад, передали ли Вам вчера результаты Рязани? Тысячу сто голосов за нас, десять Троцкому, пять оппозиции. Ответ. Ждем ответа у аппарата.

Ответ тов. Сталина: Результаты Рязани передали.

С т а л и н

Публикуется впервые по телеграфному бланку, ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ОТЧЕТ О САРАТОВСКОЙ РАБОТЕ

<14 февраля 1921 г.>

В Саратов приехал 3 февраля в 4 часа. Отправились в Губком, установили дни. Вечером было заседание Губкома.

На другой день утром, в 11 часов, мною принят был отчет по народному образованию, из которого выяснилась следующая довольно любопытная ситуация в Саратове.

Решением Губкома заведующим отделом назначен беспартийный (бывший сионист) т. Ребельский, который заявил мне, что он глубоко сочувствует коммунизму и только потому не входит в партию, что сейчас считает такой шаг запоздалым и явится упреком в небескорыстности его. Другие, однако, говорили, что у Ребельского имеются сильные толстовские и сионистские тенденции, которые мешают ему вступить в партию. Как бы то ни было, из всего моего пребывания в Саратове, как и из отчета, я убедился, что Ребельский в высшей степени старательный человек, чрезвычайно преданный делу и рационально к нему относящийся. Между прочим сотрудники-коммунисты отдела настроены по отношению к Ребельскому, безусловно, враждебно. Вмешиваться в это дело за короткий проезд я, конечно, не захотел, но высказал мнение, что было бы правильнее назначить заведующим кого-либо из подходящих для этого коммунистов. Правда, вполне подходящего лица нет, но я и думал скомбинировать дело таким образом, чтобы во главе стоял политически ответственный коммунист, дело же делалось главным образом Ребельским в качестве специалиста и в должности заместителя. Однако такая комбинация, как оказывается, уже была испробована, но коммунисты не давали т. Ребельскому достаточной самостоятельности, так что пока дело осталось в том же положении.

Вообще состояние народного образования в Саратове несколько выше, чем в средних губерниях, так, например, Саратовская губерния идет впереди всех в смысле ликвидации безграмотности. Состояние школ и детских домов, хотя и оставляет желать лучшего, но все же, в особенности в самом городе Саратове, живет более интенсивной жизнью и пользуется более сносными условиями, чем в большинстве других посещенных мною городов.

В 4 часа мы были на митинге железнодорожников, он происходил при неблагоприятных условиях в огромном и холодном депо, под крышей которого немилосердно кричали галки, что сделало для моего спутника т. Саморукова почти невозможным говорить, а меня под конец моей часовой речи до крайности утомило.

ЛУНАЧАРСКИЙ В ТАМБОВЕ

Фотография

Начало февраля 1921 г.

Но, конечно, не этим объясняется некоторая угрюмость и сдержанность, с которой рабочие отнеслись к нашим речам; выслушаны они были очень внимательно, но аплодисменты были сухие и редкие. Представитель местного Губкома предложил принять резолюцию в коммунистическом духе и голосовал, кто «против»; «против» не оказалось никого, но какое-то лицо явно интеллигентского пошиба потребовало голосования «за», и, к сожалению, «за» поднялось не более 60 или 70 при собраниях более чем в 1000 человек. Я, конечно, заинтересовался причинами такого необычного для меня настроения рабочих.

Вообще настроение рабочих в провинции неважное, но тем не менее и в эту мою поездку, например, в железнодорожных мастерских в Тамбове, было все же несравненно более дружелюбное отношение. Несмотря на хороший состав Саратовского губкома, по-видимому, на работу среди рабочих не обращается достаточного внимания. Материальное положение железнодорожников, конечно, неважное, но и не слишком плохое, пайки они получают. Очень сильно были настроены рабочие против цектранизма, но он уже устранен. Приходится принять гипотезу, что настроение железнодорожников столь сдержанно и угрюмо именно вследствие отсутствия должной партийной работы и, может быть, вследствие накопившегося раздражения против злоупотребления разных комиссаров.

В 7 часов состоялось партийное собрание в театре Карла Маркса. Собралось не менее 1½ тысяч человек. С докладом по вопросу о роли и значении профессиональных организаций выступил я. Доклад сделал чрезвычайно серьезный, так как и состав публички здесь более ответственный. Говорил о взаимоотношении партийно-организованного пролетариата к беспартийному, профессионально-организованному и всего пролетарского класса к крестьянству, строил широкую картину всей системы диктатуры пролетариата через профессиональный аппарат над и в известных рамках вместе с крестьянством.

Вместе с тем рассказал подробно все последовательные этапы позиции Троцкого и подчеркнул переход Троцкого от совершенно откровенного главполитпутизма чуть-чуть не к замаскированному синдикализму. Подчеркнул также и то, что последняя позиция Троцкого, не будучи четкой и ясной, вместе с тем весьма близка к нашей позиции и равносильна капитуляции перед ней на ¾, но капитуляции неуклюжей и дающей одновременно разные авансы, прежде допущенные Бухариным, по отношению к ошибочным требованиям рабочей оппозиции.

В прениях участвовали главным образом местные работники, из которых двое, оба центристы, выступали за резолюцию Троцкого, двое за нашу позицию (удачно), тов. Флеровский неясно, в общем как будто бы склонялся к позиции Шляпникова. Выступал также с дополнительной речью представитель ВЦСПС т. Саморуков. После моего краткого заключительного слова произведено было голосование, которое дало в результате за позицию Троцкого 13, Шляпникова 0, все остальные, при отсутствии воздержавшихся, голосовали за нашу позицию.

Утром 5 числа я посетил военный городок, куда сведен был гарнизон Саратова. Городок очень не благоустроен, в бараках давным-давно не топят, часто не на чем печь хлеб. Ввиду отсутствия ассенизационного обоза городок страшно загрязнен и весной буквально чуть не потонет в нечистотах. Все это происходит отнюдь не от недостаточной заботливости Губисполкома или от непосредственного военного начальства, а от страшно тяжелого кризиса транспорта. С дровами худо потому, что железные дороги забирают буквально все дрова, какие кто-либо куда-либо ни вез. Несмотря на это, настроение красноармейцев хорошее, об этом говорили мне и непосредственные начальники городка, и такое же впечатление вынес я от большого митинга, который мы собрали. Я произнес на нем речь об общем положении республики, указал на переход на мирный фронт и вместе с тем на необходимость крайней военной бдительности, на заслуги Красной Армии в прошлом и на предстоящие ей трудности, особенное внимание обратил на бандитизм, подробно выяснил причины его появления, его характер и призывал красноармейцев энергичным ударом задушить его. Речь не только была выслушана с большим вниманием, но и покрыта шумными аплодисментами, после которой все присутствующие очень стройно и с подъемом пропели Интернационал. Мне хотелось остаться в городке для того, чтобы поговорить с красноармейцами и ближе присмотреться к его организации, но, к сожалению, для этого не оказалось времени. Затем я лично побывал в двух детских домах, причем о первом меня предупредили, что это наилучший детский дом. Он действительно произвел на меня весьма благоприятное впечатление как педагогическим составом, интеллигентским и ласковым к детям, так и большою непринужденностью и веселостью детей. Помещение они занимают превосходное с роскошным видом на Волгу, дом какого-то миллионера. Пища удовлетворительная, и единственным недостатком является холод. Однако, как выяснилось из расспросов, случился временный перерыв в доставке топлива, и дрова должны быть доставлены на другой же день.

В другой дом я поехал по своему собственному выбору и вполне внезапно. Этот дом оказался в несколько худших условиях: главным образом дошкольники, однако и тут дети оказались достаточно сытыми, здоровыми и веселыми, и ласковыми. Чистота оставляет желать лучшего — мною были замечены грязные наволочки на подушках и т. п., но заведующая объяснила мне, что в течение уже большого количества времени она не может добиться выдачи мыла. С такими затруднениями приходится постоянно считаться.

В 4 часа мною прочтена была публичная лекция на тему «Религия и коммунизм». Народу собралось очень много, было послано приглашение местному духовенству, которое, однако, не явилось. Несмотря на совершенно открытый характер собрания, критика всякой религии вообще и в частности христианской и противопоставление им коммунистического идеала была принята публикой чрезвычайно дружелюбно. Подано было очень много записок, на которые я, однако, не смог ответить и на которые постараюсь ответить в печати.

К 7 часам вечера я переехал через Волгу на лошади в г. Покровск, который в отношении продовольственном считается губернским, объединяя своим Губпродкомом несколько богатейших уездов. На собрании коммунистов присутствовало около 500 человек. После доклада моего приблизительно такого же содержания, как в Саратове, только в более сокращенном виде и несколько более популярного, несколькими присутствующими внесено было предложение не производить голосование ввиду отсутствия защитников других точек зрения. Между прочим местный Губком оказался в большинстве на точке зрения... Сапронова. Я со своей стороны предложил не разобравшимся воздержаться от голосования, но вообще голосование все же произвести. На эту точку зрения стало огромное большинство собрания, и резолюция дала: за нашу позицию 285, за Троцкого 13, Сапронова 6, Шляпникова 0, воздержавшихся 44.

За ужином после моего доклада я имел случай поговорить со многими покровскими деятелями, причем для меня выяснился разрыв между посевокмами и Продкомом. Товарищи из Посевкома жаловались, что Продком своим, как они выразились, бесчеловеческим выжиманием хлеба из крестьян создает абсолютную невозможность какого-нибудь мирного сотрудничества с крестьянами, на что Продком, т. Третьяков, один из самых выдающихся работников Наркомпрода, ответил, что считает для себя обязательными требования Центра и что ни на одну минуту не отступит от своей политики, хотя и сознает, что выполнить разверстку до 100% значит почти наверное довести край до восстания. К счастью, после этого вскоре прибыл из Москвы председатель Саратовского губисполкома т. Иванов с счастливым известием, что для Саратовской губ. разверстка понижена до 75% и для Покровской до 60%, что не только дало возможность Покровску вздохнуть свободно, но и оставляет в его распоряжении 1 200 000 пудов как посевной фонд.

На другой день у меня было совещание с Губкомом и Губисполкомом. Я отвечал на целый ряд вопросов, между прочим и на вопрос о слиянии партийно-агитационно-пропагандистской работы с Главполитпросветом. Саратовский губком, не ожидая решения съезда, целиком слил эту работу и очень держится за такое слияние. Я советовал покровским товарищам подождать до решения съезда, но сам высказался, как всегда, за полное слияние. Были разрешены и некоторые другие вопросы. Я лишь позднее прочел одобренные ЦК тезисы Преображенского. В общем согласившись с тенденцией этих тезисов, я нахожу, что они оставляют тем не менее за агитационно-пропагандистским отделом функции излишние, о чем, конечно, не место говорить здесь в отчете, но о чем я буду настаивать и на X съезде.

В Покровске я также посетил один детский дом, который оказался в очень скверном положении, дети спят по четверо на одной постели, в доме грязно, душно, питаются дети, несмотря на то, что «Покровская губерния» — житница, скверно. На мой вопрос, чем можно объяснить такое отвратительное питание детей в детских домах, последовал ответ: Наркомпрод, считая Саратовскую и Покровскую губернии за производительные, ничего не отпускает на питание детей, даже находящихся в детских домах. Г. Саратов недавно настоял на включении себя в число непроизводящих центров, а уезды так и теперь остаются морилками для людей на том основании, что там-де хлеба много. Нет никакого сомнения, что придется по соглашению с т. Дзержинским, поставленным ВЦИК теперь во главе Особой Комиссии, войти с предложением немедленно <отменить> это жизнью опровергнутое постановление. Никаких дополнительных ресурсов у местной власти производящих губерний, кроме государственной разверстки, нет. Если из нее не будет выделяться известный фонд для питания детей, то мы будем иметь еще один парадокс, и рядом с тем фактом, что рабочие голодают у нас как раз в хлебных губерниях, будем еще видеть, как в голодной Костромской губ. детская смертность приблизится к норме, а в богатейших уездах Покровской продовольственной губернии детская смертность будет ужасающей. Я говорю, конечно, о детях, находящихся в детских домах и живущих в городах. Дети крестьян в этих губерниях ни в какой продовольственной государственной помощи, само собой разумеется, не нуждаются.

По приезде в Саратов я узнал о взятии Камышина и невозможности ехать на Астрахань и присутствовал при докладе очень молодого губвоенкома т. Маторина об общем положении в губернии, которое меня очень взволновало. Тов. Маторин много путал, создание в Саратове особого Ревсовета, конечно, мною сразу было оценено как нецелесообразное и мера начальника войск Заволжья т. Краевского уничтожить Ревсовет явно рациональной. Но вместе с тем я пришел к выводу о необходимости немедленной военной помощи Саратовской губ. для разгрома банды Вакулина, грозящей превратиться во вторую антоновщину, и об объединении командования на всем фронте Тамбовской — Воронежской — Саратовской губ.

Секретарь Губкома т. Малецкий очень просил меня прекратить мою агитационную поездку и вернуться в Москву для доклада о крайней серьезности положения.

На другой день я посетил целый ряд своих учреждений. Был в одном детском доме, который нашел вполне благополучным, за исключением опять-таки отсутствия топлива, затем в Политехническом институте, который только сейчас переезжает в новое помещение и поэтому еще очень мало оборудован и имеет достаточное количество студентов. Посетил несколько школ первой и второй ступеней, причем убедился, что занятия всюду идут прекрасно, хотя и не по требуемым методам, что было бы и трудно ввиду отсутствия мастерских и живой связи с фабриками и заводами, но, несомненно, по методам гораздо более прогрессивным, чем те, которые царили в школах царского типа. Активное ведение урока путем вопросов и ответов, разбора, детские экскурсии и лекции, зарисовывание детьми по памяти своих впечатлений, живой рассказ со стороны детей с коллективными поправками других, довольно удачный урок арифметики, произведенный на задачах с примерами из хозяйственной жизни и социалистической государственной статистики. Все это произвело на меня благоприятное впечатление.

Саратовские учителя настроены в общем удовлетворительно, дети всюду достаточно дисциплинированы, хотя держатся свободно, без страха и очень дружелюбно. К моему присутствию как наркома и предста-

вителя Советской власти дети отнеслись с самым острым любопытством и большой симпатией.

Саратовский университет принадлежит к числу наилучше оборудованных, и я с большим наслаждением обошел анатомический театр, великолепный Институт экспериментальной физики, а также учреждения всех других кафедр, на что употребил несколько часов.

Подробно о состоянии университета здесь писать не буду, но привез с собой ряд документов и просьб. Беседовал со студентами, настроение которых в общем удовлетворительное. Главные жалобы профессуры, конечно, на военкомов. Военком университетский — молодой кавказец, коммунист, чрезвычайно ретивый и доброжелательный, но явным образом совершенно не справляющийся со своей задачей, отдающий подчас нелепые и превосходящие его полномочия распоряжения. Коммунистическая ячейка студенческая довольно сильна, но с учреждением военкома получила второстепенное значение. Еще лишний раз убедился, что эти военкоматы надо уничтожить немедленно, а поставить во главе университетов серьезных людей, как задумали это гг. Покровский, Шмидт и я, т. е. либо ректоров-коммунистов, либо ректоров из доброжелательных и административно даровитых профессоров с прибавлением к ним вполне взрослого и подвижного политкома.

Отмечу еще одну характерную черту. Три профессора, в том числе ректор университета Зернов, приняли участие в вольных религиозных беседах, которые устроены местным протоиереем. Каждый из этих профессоров читал там нечто вроде лекции, в которой доказывали бытие божие, исходя кто из теории Максвелла, кто из математики, кто из успехов современного витализма. Воспретить подобные выступления мы не можем, так как они делаются как свободный религиозный акт, но, конечно, такая поддержка со стороны людей науки духовенству в высшей степени вредна и нежелательна. Местный руководитель Здраводела, коммунист, доктор Мамушин исключил всех трех профессоров из числа служащих Губздраводела, на что они и жаловались. Жалобу их я обещал передать т. Семашко, но в то же время выразил крайнее удивление по поводу такого безтактного поведения профессоров, на что они ответили: 13 § конституции разрешает каждому гражданину Советской Республики совершенно свободно выражать свои религиозные убеждения. Конечно, об устранении этих профессоров от их кафедр не может быть речи, это серьезные ученые и в настоящий момент совершенно незаменимые.

В 4 часа состоялась лекция «Революция и искусство», которая продолжалась 2½ часа и на которой присутствовал весь художественный мир Саратова. Лекция прошла с очень большим успехом и содержала в себе главным образом развитие картины постепенного упадка содержания искусства в буржуазном обществе, революционную идею как единственное спасение искусства от окончательного падения в полную бессодержательность и декадентство, а с другой стороны, потребность революции в искусстве как в самом могучем агитационном языке.

На заседании Губкома, последовавшем после этого, я узнал, что большая часть моих беспокойств по поводу военно-политического положения в Саратовской и Тамбовской губ. отпали. Была получена телеграмма от главкома о переброске значительного количества конницы в Саратовскую губ. с Кавказского фронта, а приехавший из Москвы председатель Саратовского губисполкома т. Иванов привез утешительные известия о некотором облегчении ставшего весьма опасным нажима в смысле разверстки, тем не менее я вынужден был остаться еще на один день в Саратове, чтобы дожидаться сильно запоздавшего Краевского, не переговорив с которым, я не мог составить себе сколько-нибудь полной

картины происходящего, между тем как я считал невозможным вернуться в Москву, не имея во всяком случае определенных сведений и определенного мнения о состоянии посещенных мною губерний.

8 числа т. Краевский еще не приехал, и этим днем я воспользовался для того, чтобы прочесть всему местному учительству большую лекцию о задачах народного образования в Советской России, и осведомил их также в общих чертах с новой реформой Наркомпроса, решениями партийного совещания и главным образом остановился на мероприятиях по улучшению материальному всего этого дела и на выяснении столь обыкновенно неясных учительству вопросов о школе аполитической и политической (вернее классовой).

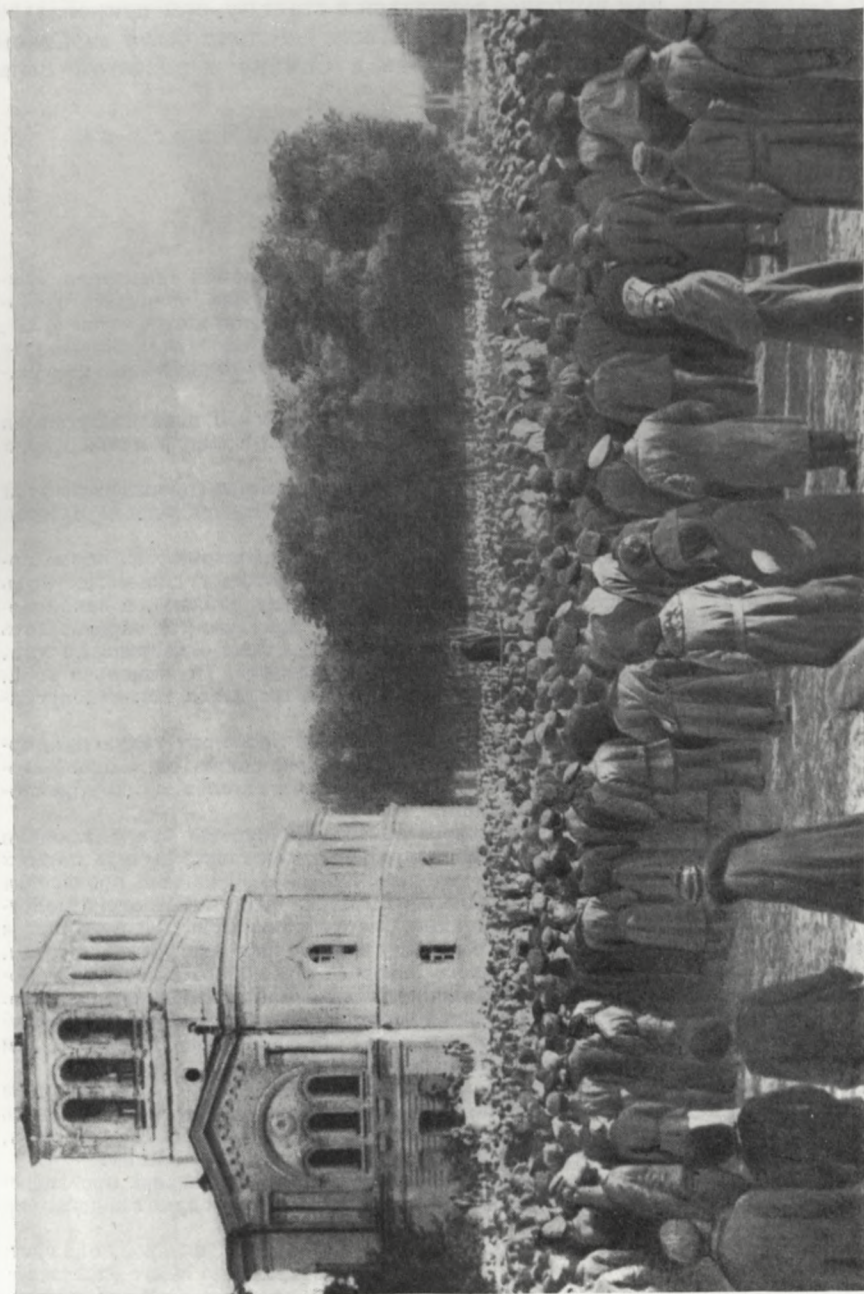
В тот же день мною был подробно осмотрен Народный дом. Вечером я присутствовал на представлении пьесы Каменского «Паровозная обедня», возбудившей большие разногласия в партийной среде ввиду какого-то подозрения пьесы в мистицизме, потому что рабочие называют паровоз богом, и в футуризме ввиду того, что Вас. Каменский был когда-то футурист. Ни футуризма, ни мистицизма в пьесе я не нашел, нашел некоторые недостатки рядом с агитационными и поэтическими достоинствами, делающими эту пьесу хорошим началом производственно-агитационного театра. Соответственно этому я высказался в местной печати и напишу об этой в своем роде очень замечательной вещи заметку в «Известиях».

9 числа приехал т. Краевский. Произошло длинное заседание, на котором, к моему удивлению, весьма взрослые и весьма опытные работники Саратовского губкома и губисполкома подняли большую канитель с вопросом об особом Ревсовете и т. п. и т. д. Я вынужден был взять слово, чтобы пресечь эти разговоры, начавшие переходить в пикировку с начальником войск Заволжского округа, и чтобы установить чисто практическую точку зрения, причем мне удалось выяснить, что Краевский и центральное военное командование идут абсолютно на все те требования, которые за два дня назад перед тем формулировал Губком. Единственный пункт, оставшийся у меня после этого разговора не выясненным, заключается в том, что т. Краевский настаивал на отдельном командовании в Тамбовской губ. (командарм Павлов) и в Саратовской, где это командование должен был взять в свои руки он сам.

Я, конечно, несколько не военный человек, но мне кажется, что это было бы глубокой ошибкой, что ввиду чрезвычайной подвижности банд и несомненной связи, между ними существующей, мы имеем здесь непосредственный фронт. Сравнительно плохие пути сообщения и даже сношения делают крайне желательным, чтобы связать весь этот фронт, а может быть, и борьбу против Махно, перекочевавшего в Воронежскую губ., в одно было как можно ближе.

Я уже говорил по этому поводу по приезде в Москву, где я кончаю этот отчет, с т. Сталиным, который, как я с удовольствием констатировал, совершенно разделяет мою точку зрения.

В этот же день мы посетили завод «Новая Этна». По расспросам моим и т. Саморукова выяснилось, что завод этот в материальном отношении поставлен очень благополучно, между тем среди рабочих свирепствует меньшевизм, какой-то нелепый максимализм и беспартийное молчание<...> Это уж совсем мало понятно, ибо обыкновенно на заводах, поставленных в ударно благоприятные условия, даже при сравнительно небольшой партийной работе удается добиться благоприятных результатов. Еще раз мы с т. Саморуковым пришли к выводу, что, несмотря на наличие значительного количества хороших работников, Саратовский губком обращает недостаточное внимание на работу среди пролетариата.

ЛУНАЧАРСКИЙ ВЫСТУПАЕТ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

1921 г.

Фотографии

В этот же день мы выехали в Москву, решив, что, ввиду невозможности ехать в Астрахань, нам выгоднее вернуться в столицу, ориентироваться и в случае надобности выехать в Самару. Наши действия были одобрены т. Сталиным, посоветовавшим нам поехать в Самару с расчетом быть на губернской конференции.

Нарком по просвещению А. Луначарский

14/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, д. 30936.

В отчете Луначарский пишет, в частности, о своем посещении спектакля «Паровозная обедня», сообщая, что его заметка по этому поводу уже появилась в «Известиях ВЦИК» (1921, 16 февраля, № 34) и в «Известиях Саратовского Совета» (1921, 16 февраля, № 34). С тех пор заметка эта, представляющая несомненный интерес для литературоведов и историков театра, не перепечатывалась и не вошла в собрание сочинений Луначарского. Приводим ее текст полностью:

«В Саратове среди других, более важных, дел натолкнулся я и на дискуссию в партийной среде по поводу незадолго перед тем поставленной в театре имени Карла Маркса драмы В. В. Каменского — „Паровозная обедня“.

Одни видели в ней прекрасный образчик пьес в характере производственной пропаганды, другие усматривали какую-то мистику, фетишизм, поклонение предметам и т. п.

Я был очень благодарен товарищам, что они дали мне возможность лично посмотреть эту пьесу. Ни о какой мистике, ни о каком фетишизме тут не может быть и речи. Правда, рабочие называют паровоз богом, но всякому понятно, в каком метафорическом смысле употребляется это слово, всякому понятно, что паровоз есть произведение рук человеческих. Несколько пагубных фраз относительно того, что в человеческом труде получают живую жизнь и материал и камень и т. п., тоже лишь сквозь самые педагогические очки могут рассматриваться как недопустимая вольность.

Право, некоторые товарищи начинают в этом отношении проявлять такую придирчивость, что скоро нарисовать свободу с крыльями будет уже считаться, с одной стороны, преступным позаимствованием атрибутов православных ангелов, а с другой стороны, явным нарушением законов анатомии.

Можно возразить против пьесы Каменского другое. Начинается она с довольно продолжительного митинга, на котором речи говорят все представители чуть не всех наций, населяющих земной шар. Речь эти недостаточно разнообразны и производят несколько утомительное впечатление. В начале первого акта очень много стука молотками, суетни и отдельных нечетких восклицаний, которые теряются для публики, и продолжается это добрых четверть часа. Зато к концу первого акта настроение крепнет, и радость рабочих по поводу окончания нового паровоза при прекрасной музыке, которая написана местным композитором, производит впечатление не лишенной подъема. Второй ее акт, в котором отправление паровоза в дорогу празднует строительный материал: шпалы, рельсы, заклепки, гайки, уголь и т. п. — положительно удачен. В нем есть черты и смешные, и грациозные, и даже почти грандиозные.

Весьма разочаровывает третий акт, но, вероятно, потому, что его опять-таки из каких-то непонятных для меня соображений, которых никто мне не мог объяснить как следует, сильно искалечили и дают не по автору. В том виде, в каком он есть, несмотря на пару прекрасных стихотворений, он кажется совсем лишним.

Резюмируя, скажу: „Паровозная обедня“ — не шедевр, но как первое произведение в явно коммунистическом, пропагандистском и производственном духе это довольно удачно.

Ставить ее можно лучше, чем в Саратове (где, за исключением 3 актеров, она идет, впрочем, недурно), и ставить ее стоит, во всяком случае безусловно стоит напечатать и предоставить в распоряжение наших Политпросветов, ибо среди того водопада художественно абсолютно неудачных попыток производственного театра пьеса Каменского далеко выдвигается вперед».